

I.

Боккаччо такъ рассказываетъ, въ одномъ эпизодѣ своего перваго романа (Филоколо), отъ имени пастуха Идалага, содержаніе своей неаполитанской жизни: ребенкомъ онъ слѣдовалъ путями отца-пастуха (былъ въ наукѣ у купца), но когда окрѣпло въ немъ врожденное ему благородство духа, онъ, покинувъ низменные холмы, потщился возойти трудными тропами къ болѣе высокимъ предметамъ, но по неосторожности впалъ въ сѣти Амура, изъ которыхъ никогда не могъ выпутаться ¹⁾. Какіе это высокіе предметы — это объясняется изъ слѣдующихъ подробностей того-же эпизода: покинувъ отцовскіе поля (Флоренцію), Идалагъ явился въ эти лѣсныя сѣни (Неаполь), чтобы продолжать дѣло, которому научился (торговое); здѣсь, пребывая съ почтеннымъ пастухомъ Кальметой, которому вѣдома была сущность почти всѣхъ вещей, онъ внималъ, когда, подъ звуки свирѣли, тотъ поучалъ его измѣненіямъ и движеніямъ луны, почему она то теряетъ, то обновляетъ свой свѣтъ, порой замедляется въ своемъ эпициклѣ, плыветъ то быстрее, то ровнѣе. Его грубый умъ увлекается этими наставленіями, и онъ усваиваетъ ихъ, не какъ арабъ въ пустынѣ, а пристальнымъ изученіемъ. Ставъ опытнымъ въ этомъ дѣлѣ, онъ разстался съ пастушеской жизнью и весь отдался Палладѣ; одиночество лѣса облегчало ему слѣдованіе по ея труднымъ стезямъ; онъ сторожится стрѣлъ Амура и все-таки становится жертвой «коварнаго стрѣлка» ²⁾.

1) Filocolo, v. II, стр. 238.

2) I. с. стр. 243, 246 слѣд.

Итакъ: обученіе у Кальметы, увлеченіе Палладой — и затѣмъ сѣти Амура: наука и любовь ¹⁾.

Кальмета — это Андалоне ди Negro, родомъ изъ Генуи, извѣстный математикъ и астрономъ, объѣхавшій почти весь свѣтъ и многое видѣвшій на своемъ вѣку (род. ок. 1260 г.), человекъ образованный и, можетъ быть, поэтъ. Андалоне увлекъ молодаго Боккаччо на стези Паллады, и ученикъ всегда хранилъ о немъ благодарную память. Онъ красовался своими астрономическими знаніями, и когда ему случалось коснуться какого-нибудь хронологическаго момента личныхъ воспоминаній, разсѣянныхъ въ его романахъ, любилъ выражать ихъ описательно, терминами ходячей астрономіи; въ своихъ Генеалогіяхъ боговъ онъ постоянно цитуетъ своего достопочтеннаго учителя по вопросамъ хронологіи, астрономіи и астрологіи — потому что Андалоне вѣрилъ въ астрологическіе бредни и самъ оставилъ *Introductio ad iudicia astrologica*. Увлеченіе не новое и на латинскомъ западѣ, и въ Византіи; какъ въ XIII столѣтіи Фридрихъ II и Эццелино да Романо держали астрологовъ Теодора и Гвидо Бонатти, такъ король Робертъ приблизилъ къ себѣ Андалоне и Діонисія да Borgo San Sepolcro, а извѣстный Cesso d'Ascoli былъ астрологомъ при сынѣ Роберта, Карлѣ Калабрійскомъ. По естественной слабости къ другу, Петрарка поощрялъ Діонисія и его покровителя къ занятіямъ астрологіей ²⁾, хотя при другихъ случаяхъ, между прочимъ въ письмѣ къ Боккаччо ³⁾, рѣзко выступалъ противъ вѣры въ вліяніе звѣздъ и въ возможность изъ ихъ

1) Объ учителяхъ Боккаччо см. Faraglia, *Barbato di Sulmona e gli uomini di lettere della corte di Roberto d'Angiò* (Archiv. Stor. ital. III, 1889); мою статью: Учителя Боккаччо, Вѣстникъ Европы, 1891, Ноябрь. — Объ Андалоне спеціально: Cornelio de Simoni, *Intorno alla vita ed ai lavori di Andalò di Negro* (отгискъ изъ *Bullettino di bibliografia e di storia delle scienze matematiche e fisiche*, t. VII, Luglio 1874, обязательно доставленной мнѣ авторомъ). О Варлаамѣ: Успенскій, *Очерки по исторіи византійской образованности* (Спб. 1892), сл. Указатель, а. в. Варлаамъ; еп. Порфирій Успенскій, *Исторія Аеона*, ч. III: Аеонъ монашескій, отд. II, стр. 217 слѣд. (Спб. 1892).

2) См. *Epist. poet.* I, 13.

3) *Sen.* III, 1.

сочетаній предвидѣть судьбу. Боккаччо остался вѣренъ звѣздамъ, какъ и его Фьямметта¹⁾: онъ развиваетъ это ученіе въ Генеалогіяхъ боговъ²⁾, и еще въ послѣднемъ трудѣ, чтеніяхъ о Божественной Комедіи, готовъ спасти принципъ астрологіи — осуждая астрологовъ. Если въ этомъ вопросѣ Петрарка представляется намъ бѣльшимъ рационалистомъ, то въ Боккаччо отразился общій типъ людей Возрожденія, среди которыхъ увлеченіе астрологіей отвѣтило спросамъ крѣпнущаго самосознанія. Личность развилась, и чѣмъ сильнѣе ощущалась ея цѣнность, тѣмъ страстнѣе было желаніе увѣренности, опредѣленія: если пути промысла неисповѣдимы, то многое вѣщаютъ звѣзды. Соединялось несоединимое: въ королѣ Робертѣ богословъ уживался съ астрологомъ; Чино изъ Пистойи проситъ Чекко д'Асколи открыть ему, какія созвѣздія ему благоприятны, какія враждебны — ибо «отъ ихъ суда не уйти»; личность, отважно вышедшая искать своей доли, встрѣтилась съ желѣзной стѣной фатализма; изъ противорѣчій свободы и рока выпутывались софизмомъ, что мудрый даетъ законы свѣтиламъ³⁾. Вопросъ о судьбѣ, о фортунѣ, со времени Боэція одно изъ любимыхъ общихъ мѣстъ средневѣковой поэзіи, историческихъ «сѣтованій» (*lamenti*)⁴⁾ и поэмъ Генриха изъ Сеттимелло и Генриха Миланскаго, сталъ теперь очереднымъ: о немъ толкуютъ Чекко деи Росси и Заноби да Страда; Томмазо дель Гарбо, флорентійскій медикъ⁵⁾, и поэтъ Браччо Браччи обращаются къ Петраркѣ съ просьбой разъяснить имъ, чтò такое фортуна; о томъ же спрашиваетъ его дофинъ за столомъ у французскаго короля, и Петрарка отдѣляется общими мѣстами⁶⁾; иные дни Декамерона сами собой распределяются по категоріямъ счастливой или несчастной судьбы; въ трактатѣ о Роковой участи великихъ людей

1) *Fiammetta*, стр. 62.

2) *Gen. Deor.* I, 10; III, 22; IX, 4.

3) *Sen.* III, 1.

4) Сл. А. Медин, *Ballata alla Fortuna*, въ *Propugnatore*, N. S., v. II, fasc. 7—8, стр. 101 слѣд.

5) *Sen.* VIII, 3.

6) *Fam.* XXII, 13.

чудовищный образъ Фортуны врывается къ поэту и запрещаетъ ее злословить.

Всѣ эти вопросы могли предстать еще юношѣ Боккаччо въ его бесѣдѣ съ Андалоне; живымъ отзвукомъ такихъ бесѣдъ, интересовавшихъ, очевидно, и ученика и учителя, является апологъ о Фортунѣ, полушкольнаго, полународнаго содержания, и такого-же назидательнаго характера, какъ апологъ Павла (или Петра) діакона, переданный Петраркой ¹⁾. Рассказываетъ Боккаччо: когда еще молодымъ человѣкомъ онъ слушалъ Андалоне, попалась однажды при чтеніи такая фраза: нечего обвинять звѣзды, когда несчастный самъ снискалъ себѣ недолю ²⁾. Какъ услышалъ это Андалоне, шутникъ, не смотря на лѣта (*festivus, esto longevus*), весело замѣтилъ: Это подтверждается древней хорошенькой притчей. Боккаччо попросилъ рассказать ее, и, благодушный и сговорчивый Андалоне, подозвавъ нѣсколькихъ изъ своихъ именитыхъ слушателей, началъ такъ: встрѣтились однажды Фортуна (понятая здѣсь, какъ счастье, богатство) и Ницета, или лучше бѣдная Доля, но добровольная, по собственному побужденію отказавшаяся отъ благъ Фортуны, свободная отъ ея узъ, ликующая своей свободой «кормилица Рима»; встрѣтились и вступили въ перебранку и бой, въ которомъ первая побѣждена и покоряется условіямъ побѣдительницы. — Въ дальнѣйшемъ рассказѣ значеніе Фортуны мѣняется: это уже Судьба, въ услуженіи которой стоятъ образы, знакомые народной сказкѣ: счастливой и несчастной Доли (*Fortunium* и *Infortunium*). И вотъ Ницета требуетъ: пусть счастливая Доля ходить свободно по свѣту, куда пошлетъ ее Судьба, а несчастную прикруютъ цѣпями къ столбу, чтобы ей нельзя было тронуться съ мѣста, ни переступить чей-либо порогъ, — развѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, кто развяжетъ ея путы. Это сказочный мотивъ: лихая доля привязывается къ тому, кто освободитъ ее, закованную, запертую;

1) Fam. III, 13.

2) Non incusanda sydera sunt, cum sibi infortunium quaesierit oppressua.

вмѣстѣ съ тѣмъ это и практическій, не логическій выходъ изъ идей фатализма: несчастная доля — въ рукахъ самого человѣка ¹⁾).

Такъ могъ рѣшать, въ благодушномъ противорѣчii съ собою, старикъ Андалоне; прислушался-ли къ нему Боккаччьо? Его юношеское письмо къ анониму ²⁾ надписано: враждебный судьбѣ; такая-же подпись въ письмѣ къ Аччяйоли отъ 1341 года ³⁾; «враждебной судьбѣ» зоветъ себя ⁴⁾ и непризнанная мужемъ Джилетта изъ Нарбонны. «Fata nepozitant in me, говорилъ когда-то Генрихъ изъ Сеттимелло, ему враждебна Фортуна, Rhamnusia ⁵⁾; раннія письма Боккаччьо полны жалобъ именно на Рамнузию. И позже онъ не выходитъ изъ противорѣчii фатума и свободы: если Фьямметта влюбилась, то такова ея доля ⁶⁾, Мессалина ищетъ себѣ извиненіе въ томъ, что родилась при роковомъ сочетаніи созвѣздій ⁷⁾; долю посылають небеса ⁸⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ человѣку вольно отдаться или нѣтъ всеильному Амуру ⁹⁾. Такъ и въ введеніи къ притчѣ о Фортунѣ и Нищетѣ несчастные, оказывается, сами вызвали свою судьбу.

Въ Генеалогіяхъ боговъ ¹⁰⁾ Боккаччьо упоминаетъ и другого человѣка, которому онъ многимъ былъ обязанъ въ первые годы своей неаполитанской жизни: съ 1332 года мы встрѣчаемъ при дворѣ, въ званіи клерика, нотариуса канцелярiи и королевскаго бібліотекаря, Паоло изъ Перуджii, игравшаго не послѣднюю роль въ ученомъ кружкѣ Роберта. Ранняя классическая начитанность Боккаччьо, особливо по отдѣлу міеологii, идетъ изъ

1) De Cas. I. III, c. 1.

2) Corazzini, стр. 457: Sacrae famis.

3) I. c. стр. 18; сл. Amor. Vis. XXX, 17 и Canzone IV.

4) Дек. III, 9.

5) De diversitate fortunae lib. I, v. 20; I. II, v. 133, 195.

6) Fiammetta, стр. 103.

7) De Cas. VII, 3; сл. Gen. Deor. IX, 4.

8) Fiammetta, стр. 152.

9) Ib. стр. 149.

10) Gen. Deor. XV, 6.

этого источника. «Если былъ, когда-либо, человѣкъ, съ такимъ увлеченіемъ разыскивавшій повсюду, по приказанію своего повелителя, рѣдкія сочиненія, историческія и поэтическія—то это былъ онъ; человѣкъ степенный, уже не молодой, полный разнообразнаго знанія, . . . онъ написалъ громаднѣйшій трудъ, названный имъ *Liber Collectaneum*, гдѣ, кромѣ многихъ другихъ свѣдѣній, относящихся къ разнымъ предметамъ, собрано было все, что можно было найти о языческихъ богахъ, не только у латинянъ, но и у грековъ, собрано, какъ я полагаю, при помощи Варлаама». «Въ то время, когда я съ нимъ познакомился, ему, помнится, не было равнаго въ такого рода занятіяхъ», вспоминаетъ Боккаччо. Онъ многое извлекъ изъ его энциклопедіи; онъ и самъ—такой-же собиратель: его записная тетрадь представляетъ репертуаръ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній и помѣтокъ, и въ содержаніи классической древности его всегда привлекала фабула, новелла мифа. Это — свойство таланта и, можетъ быть, печать учителя. Когда впоследствии, приступивъ къ своимъ Генеалогіямъ боговъ, Боккаччо вспомнилъ о комментаріяхъ своего наставника, ихъ не оказалось на лицо: Паоло покинулъ дворъ еще до смерти Роберта (1343 г.), жилъ въ нуждѣ, обремененный семействомъ, пока королева Джьованна не утвердила за нимъ мѣста нотариуса въ Тегга ді Лавого, доходами котораго онъ жилъ, имѣя тамъ замѣстителя. Онъ умеръ въ пору чумы 1348 года, а его жена, Біэлла, находясь въ стѣсненномъ положеніи, растеряла всѣ его сочиненія. Отъ него остался лишь комментарий къ сатирамъ Персія и небольшой генеалогическій перечень древнихъ боговъ и героевъ, очевидно, предназначенный для школьнаго обихода. Онъ можетъ дать понятіе о соответствующей части *Collectanea* Паоло, которыми Боккаччо пользовался, но съ выборомъ, порой предпочитая его толкованіе мифа другимъ, нерѣдко расходясь съ нимъ, постоянно его цитуетъ, кое-гдѣ ссылаясь и на источникъ его греческой мудрости, монаха Варлаама.

Зналъ-ли онъ лично этого страннаго человѣка, предшественника захожихъ въ Италію византійскихъ ученыхъ XV-го вѣка,

подвижнаго и заносчиваго, тщеславнаго, но талантливаго греко-итальянца, показывавшаго среди грековъ презрѣніе къ византійской культурѣ и наукѣ¹⁾, а на западѣ предъявлявшаго свидѣтельства императоровъ, именитыхъ и ученыхъ людей, что уже давно не было мужа столь замѣчательнаго и великаго знанія, какъ онъ?

Съ легкой руки Петрарки и Боккаччо Варлаамъ занялъ мѣсто въ исторіи ранняго итальянскаго Возрожденія. Они реторично преувеличили его въ своихъ воспоминаніяхъ, а историки литературы повѣрили имъ на слово. Его роль въ подъемѣ гуманистическихъ интересовъ придется сильно ограничить.

Бернардо, въ монашествѣ Варлаамъ, родился въ концѣ XIII вѣка, въ греческой Калабріи, въ Семинарѣ, гдѣ въ сосѣдствѣ монастырѣ св. Филарета воспитывался и принялъ постриженіе²⁾. На сколько онъ обязанъ своимъ образованіемъ монастырской либо вообще итальянской школѣ, или школамъ Солуни, гдѣ онъ жилъ раньше, чѣмъ въ 1327—8 году объявился въ Константинополѣ, сказать трудно; упрекъ въ крайнемъ пристрастіи итальянцевъ къ силлогизму, который имъ такъ же необходимъ, какъ лопата копачу и весло плывущему, предъявляется и Варлааму его византійскими противниками; это и полемическая выходка — и свидѣтельство вліянія западной схоластической науки.

Пробывъ нѣкоторое время въ Солуни и на Аеонѣ, гдѣ познакомился съ господствовавшими тамъ мистическими теченіями, онъ переѣхалъ въ Константинополь; здѣсь онъ тотчасъ же обратилъ на себя вниманіе императора Андроника младшаго и его родственника Іоанна Кантакузина. Онъ былъ ученъ и краснорѣчивъ, быстро усваивалъ и отлично излагалъ, превозносился своимъ знаніемъ, и, какъ говорили его противники³⁾, строя свою обще-

1) Nic. Gregorae I ed. Bonn., p. 555.

2) Basilii caesariensis monachus, выражается о немъ Боккаччо, Gen. Deor. XV, 6.

3) Nic. Greg. l. c.

ственную репутацію на приниженіи и порицаніи другихъ. Кантакузинъ, вполсѣдствіи ему враждебный, былъ совершенно увлеченъ его «латинской ученостью»; ему, пришельцу, поручено было преподаваніе богословія и толкованіе ученій св. Діонисія Ареопажита ¹⁾, а въ 1331 году онъ былъ сдѣланъ настоятелемъ монастыря Пандократора, одного изъ важныхъ въ Константинополѣ. Полный самолюбія, онъ вызвалъ на ученый споръ Никифора Григору, но былъ пораженъ и осмѣянъ. Такъ увѣряетъ его совопросникъ, добавляя, что именно эта неудача и побудила его искать славы на другомъ поприщѣ ²⁾, когда, удалившись въ Солунь, онъ поднялъ догматическій споръ, взволновавшій византійскую церковь: о еретическихъ мудрованіяхъ аеонскихъ иноковъ — гезихастовъ касательно таинствъ созерцательной жизни и сердечной молитвы, въ защиту которыхъ выступилъ Григорій Палама.

Между тѣмъ Варлаамъ въ чести у императора, ведетъ бесѣду съ послами папы Іоанна XXII, явившимися въ Константинополъ по вопросу о соединеніи церквей, а въ 1339 году отправленъ вмѣстѣ съ Стефаномъ Дандоло къ королю Роберту, Филиппу IV и Бенедикту XII толковать о томъ-же соединеніи и общихъ военныхъ мѣрахъ противъ турокъ, занявшихъ малую Азію. Переговоры ни къ чему не привели, взамѣнъ того они открыли Петраркѣ и Боккаччо новые горизонты знанія.

Въ Неаполѣ, гдѣ Варлаамъ былъ весною 1339 года, отправляясь въ Авиньонъ, и на обратномъ пути въ Сентябрь, онъ познакомился съ ученымъ кружкомъ короля Роберта и вошелъ въ особую дружбу съ Паоло изъ Перуджіи, которому доставилъ свѣдѣнія и толкованія по греческимъ мифамъ изъ какихъ-то «греческихъ анналь» ³⁾. И Паоло и Боккаччо позволяютъ себѣ кое-когда противорѣчить его показаніямъ, но полны уваженія къ

1) I. с. стр. 922.

2) I. с. стр. 555—6.

3) Gen. Deor. IX, 7; сл. IV, 47.

этому «человѣчку, маленькому ростомъ, но великому знаніемъ»¹⁾, предъявлявшему на то царскія ручательства. «Ему-ли не повѣрю я, особенно въ томъ, что касается Греціи? продолжаетъ Боккаччьо. Я не видѣлъ ни одного его труда, хотя слышалъ, что онъ написалъ ихъ нѣсколько; были у меня нѣкоторыя его писанія, не сведенныя въ книгу и безъ заглавія, свидѣтельствовавшія, что если въ латинской литературѣ онъ не былъ достаточно свѣдушъ, то многое видѣлъ и проницательно уразумѣлъ».

По возвращеніи съ запада, гдѣ онъ не достигъ цѣли своего посольства, Варлаамъ является въ Солуни и на Аѳонѣ; здѣсь и разыгралась его распря съ гезихастами и Паламой, которыхъ поддерживалъ своимъ вліяніемъ разошедшійся съ Варлаамомъ Кантакузинъ. Обличенія Варлаама побудили созвать въ св. Софій соборъ на 11-е іюня 1341 года; соборъ рѣшилъ не въ его пользу, и онъ покинулъ Грецію; въ 1341 году онъ снова въ Неаполѣ, въ 1342—въ Авиньонѣ. Вліяніе Петрарки доставило ему епископство въ Джераче, недалеко отъ Семинары²⁾; здѣсь онъ и умеръ въ концѣ 40-хъ или началѣ 50-хъ годовъ.

Можетъ быть, ко второй поѣздкѣ Варлаама, скорѣе, чѣмъ къ первой, относится сближеніе Петрарки съ Варлаамомъ. Когда въ Авиньонѣ явился этотъ «современный представитель греческой мудрости», Петрарка вздумалъ учиться у него по гречески: ему хотѣлось въ подлинникѣ познакомиться съ греками, которыхъ онъ зналъ лишь въ отраженіяхъ римлянъ. У него уже былъ экземпляръ Платона³⁾; позднѣ грекъ Николай Сигеръ доставилъ ему Гомера, и Петрарка просилъ его о присылкѣ Гезіода и Еврипида⁴⁾, какъ нѣсколько лѣтъ спустя ждалъ отъ Леонтія Пилата списковъ Еврипида и Софокла⁵⁾; но они для него нѣмы; онъ все

1) l. c. XV, 6.

2) Посвященъ въ Авиньонѣ 2 окт. 1342 года.

3) Сл. Var. 25 (къ Боккаччьо); Fam. XVIII, 2; De sui ipsius et aliorum ignorantia, стр. 1058—4; Vossaccio, Comm. l. XV, ed. Milanese, I, 370.

4) Fam. XVII, 2, отъ 1354 г.

5) Sen. VI, 1.

еще надѣялся научиться ихъ языку, какъ то удалось въ старости Катону, принялся было съ Варлаамомъ читать діалоги Платона *en regard* съ подлинникомъ, и лишь быстрый отъѣздъ учителя на епископію и его ранняя смерть помѣшали этому намѣренію¹⁾. За то рвенія было много: «каждый день приходилъ ко мнѣ Варлаамъ писалъ Петрарка Сигеру²⁾, и какъ онъ самъ заявлялъ, получалъ отъ бесѣды со мною не менѣе, если не болѣе пользы, чѣмъ я отъ него. Говорилъ ли онъ такъ искренне, или изъ любезности — не знаю; вѣрно одно, что если въ греческомъ языкѣ онъ былъ краснорѣчивѣйшимъ, его латинская рѣчь лишена была всякаго изящества, и его прекрасный умъ, изобиловавшій идеями, былъ бѣденъ словами для ихъ выраженія. Потому, поочередно подавая другъ другу руку, я невѣрнымъ шагомъ робко вступалъ въ его область, онъ, подъ моимъ руководствомъ и часто съ бѣльшимъ успѣхомъ, слѣдовалъ за мною въ мою. Ибо между нами было еще и то отличіе, что онъ гораздо болѣе зналъ по латыни, чѣмъ я по гречески; въ послѣднемъ я былъ совсѣмъ новичкомъ, въ первомъ онъ пошелъ нѣсколько далѣе, ибо, родившись въ итальянской Греціи и будучи старше меня, онъ имѣлъ случай общаться съ латинами, они были его учителями, и ему легко было вернуться къ старой привычкѣ».

Общественная и церковная дѣятельность Варлаама производитъ впечатлѣніе какой-то двойственности и неясности, что легко вмѣнить его психологическому типу, если забыть условія времени и обстоятельствъ и колеблющійся обликъ личностей и народныхъ группъ, случайно поставленныхъ на политическихъ и культурныхъ границахъ. Они—прирожденные посредники, они поневолѣ дwoятся, и эта двойственность порождаетъ въ нихъ равнодушіе или рационализмъ; въ этихъ условіяхъ переходъ на ту или другую сторону совершается при меньшемъ давленіи расчета или увлеченія, не вызывая обычныхъ идей вмѣняемости, но и роковымъ об-

1) Fam. XXIV, 12; Var. 25; Sen. XI, 9; De sui ipsius et aliorum ignorantia l. c.; De Contemptu mundi, стр. 346.

2) Fam. XVIII, 2.

разомъ не вызывая симпатій. Калабриецъ Леонтій Пилать, ученикъ Варлаама, позднѣе учитель Боккаччо, такой-же двуличный типъ: итальянецъ съ греками, грекъ съ итальянцами, онъ выдаетъ себя за уроженца Солуня, бранитъ Италію, разставаясь съ Петраркой, и снова направляется въ эту благословенную страну, осыпая хулами все византійское. Ему недостаетъ лишь общественной, отвѣтственной дѣятельности, которая бросаетъ тѣнь на Варлаама. Уроженецъ Италіи, грекъ по исповѣданію, Варлаамъ явился естественнымъ дѣятелемъ въ вопросѣ объ единеніи церквей; его рѣчь къ папѣ обличаетъ въ немъ ловкаго политика, докладная записка предлагаетъ обойтись безъ обсуждения догмата объ исхожденіи Св. Духа, предоставивъ ученымъ толковать о немъ и каждому исповѣдывать по своему. Онъ пишетъ противъ Ѳомы Аквинскаго, посвящаетъ какому-то Франциску свой трактатъ противъ папскаго главенства, затѣмъ становится на сторону католичества и въ посланіи къ друзьямъ въ Греціи обличаетъ греческую схизму, поднимая вопросы о приматѣ папы и объ исхожденіи Св. Духа.

Была-ли эта двойственность Варлаама выраженіемъ колебаній, вышедшихъ къ убѣжденію,—этотъ вопросъ намъ здѣсь не важенъ; существеннѣе вопросъ о двойственности его образовательнаго ценза. Если Кантакузинъ называетъ его «единомышленникомъ латинамъ», то этимъ не только выражается подозрѣніе въ религіозномъ единомысліи, но и въ качествѣ и характерѣ его знаній. Петрарка и Боккаччо ставили ихъ очень высоко, но на вѣру: они не знали писаній Варлаама по церковнымъ и догматическимъ вопросамъ, ни его Этики по ученію стоиковъ, ни его трактатовъ по астрономіи и замѣтокъ о Гармоніи Птолемея по поводу двухъ главъ, дополненныхъ Григорой. Если присоединить къ этому его занятія Евклидомъ, Аристотелемъ и Платономъ, то получится очень почтенный кругъ знаній, которымъ въ то время могли обладать немногіе. Григора, очевидно, искажаетъ факты, когда въ своей исторіи говоритъ о латинской лишь учености Варлаама, а эллинской онъ будто-бы коснулся лишь концами

пальцевъ, и окончательно переходитъ въ преувеличеніе, изображая намъ (въ своемъ діалогѣ Флорентій) фигуру хвастливаго война отъ науки, Ксенофана-Варлаама, Фразимахова сына. Онъ, говорятъ намъ, явился изъ Калабріи, гдѣ не осталось и слѣда не только эллинскихъ музъ, но и того языка, на которомъ говорятъ греческіе крестьяне и копачи; по рожденію латинянинъ-итальянецъ, онъ объясняется на діалектѣ, по гречески лишь съ затрудненіемъ. Свои знанія онъ, какъ слышно, приобрѣлъ не въ Калабріи, а въ глубинѣ Италіи, и не обширныя, а лишь по Аристотелевой физикѣ и логикѣ, которыми особенно занимаются латиняне и итальянцы, къ тому же и не въ подлинникѣ, а въ старомъ сокращенномъ переводѣ на ихъ языкъ. Какъ человѣкъ любящій по природѣ все прекрасное, онъ возымѣлъ желаніе усовершенствоваться въ эллинскомъ языкѣ; потому, переправившись въ Калидонъ, городъ этолийцевъ, здѣсь совсѣмъ преобразилъ и языкъ и бороду, и одежду и манеры и обычаи, рѣшивъ, что не слѣдуетъ брить бороды, ни одѣваться въ латинское платье, чуждое грекамъ, съ которыми ему пришлось-бы общаться, а дабы ему болѣе вѣрили и его не подозревали, облекся въ темную мантию. Оттуда онъ перешелъ въ нѣкій ессалийскій городъ, славившійся своею ученостью далеко за предѣлами сосѣдей и не уступавшій въ этомъ отношеніи ни одному изъ главныхъ городовъ отъ Этолій до Локръ Озольскихъ; онъ отстоитъ отъ Аѳинъ и Аттики не менѣе, какъ на 2000 стадій. Пробывъ здѣсь продолжительное время и приобывнувъ къ греческому языку, Ксенофанъ возмечталъ о себѣ, и какъ у людей, не привычныхъ къ вину, оно бьетъ въ голову и они видятъ не видимое, и не то, что есть, такъ и онъ, исполняясь гордыни, почелъ себя великимъ человѣкомъ, чреватымъ всякой мудростью, а на другихъ смотрѣлъ свысока. Узнавъ, что въ Аѳинахъ, «этой столицѣ всякой мудрости»¹⁾, не было въ то время Митродора (Метохита, великаго логовета), а Никагора (Григора) наложилъ на себя не-

1) Аѳины=Константинополь; то-же въ надгробномъ словѣ Григоры Метохиту: τῆν τῆς σοφίας μητρόπολιν.

вольное молчаніе, онъ явился туда, надѣясь тамъ заработать себѣ славу, ибо считалъ тамошнихъ софистовъ торгующими мудростью по мелочамъ. Онъ сталъ ходить по площадямъ и на собранія, обѣщая научить всякаго въ короткое время и за малую цѣну, далеко меньшую стоимости — ему не торговаться, какъ мелочнымъ продавцамъ, — а иныхъ поучая и даромъ.

Когда онъ услышалъ о томъ, что Митродоръ вернулся изъ ссылки и снова сталъ показываться съ своимъ другомъ Никагорой, то возревновалъ къ ихъ славіи и принялся ихъ злословить: Гдѣ эти скитальцы, такъ ложно прославленные? Пусть явятся и покажутъ, что такое они взяли у Аристотеля, что знаютъ объ искусствѣ различенія и анализа, объ аподиктическихъ и діалектическихъ силлогизмахъ? А я хочу показать афинянамъ нѣчто новое и совсѣмъ неожиданное. Былъ онъ человѣкъ большой памяти, и что прочелъ, то передавалъ устно, обстоятельно, точно по книгѣ, особливо толкователей всѣхъ твореній Аристотеля; только въ произношеніи словъ слышался варваризмъ, видно было, что онъ латинянинъ. Наморщивъ лобъ, онъ принимался различать ученіе о наукахъ вообще — и науку о добродѣтеляхъ, украшающихъ душу, устанавливая и еще дѣленіе, опредѣленное понятіемъ состязанія: тѣла противъ тѣла — это насиліе, и слова противъ слова: это искусство пренія; и такъ далѣе, восходя до недѣлимыхъ. Что до науки или искусства добродѣтели, не подлежащаго дальнѣйшему дѣленію, то усвоить его легко всякому, къ нему обращающемуся, за нѣсколько драхмъ. Кто-бы пожелалъ напр. узнать о справедливости и мужествѣ, какая изъ этихъ двухъ душевныхъ добродѣтелей выше, тому станетъ ясно, что мужество относится къ войнѣ и грабежу, справедливость-же къ противоположному. — Когда ему замѣтили на это съ удивленіемъ, что въ своемъ анализѣ онъ отнесъ мужество къ видамъ добродѣтелей души, а теперь относить его къ тѣлесной мерзости, онъ ничего другого не отвѣчалъ, какъ лишь то, что тутъ все дѣло въ словахъ, которыми пусть занимаются грамматика и риторы, а не тѣ, кто хочетъ философствовать въ направленіи Аристотеля.

У Ксенофана явились послѣдователи, которые повѣрили ему и уже стали было негодовать, не видя исполненія обѣщаній; они то и побудили его вызвать на споръ Никагору: онъ теперь не въ чести у властей, да и опечаленъ какъ собственными невзгодами, такъ и тяжелой болѣзью друга Метохита († 1332); либо власти не позволяютъ ему выступить, либо онъ самъ не приметъ вызова, что будетъ сочтено за боязнь, и слава Ксенофана поднимется; какъ отъ блестящихъ и свѣтлыхъ предметовъ свѣтъ отражается на близкіе къ нимъ, такъ слава врага на нападающемъ. — Такъ говорили Ксенофану его пріятели, но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовали поучиться у ихъ грамматиковъ правильному словоупотребленію, какъ-бы его противникъ, не обращая вниманія на содержаніе рѣчей, не сразилъ его съ перваго слова за плохой эллинизмъ. Неужели мнѣ, такому философу, словно раку, попятиться назадъ въ ребячью школу? негодуешь Ксенофанъ; вѣдь это значило бы желать убѣлить эоіона. Лучше я изложу вамъ вкратцѣ, что имѣю сказать, а вы пройдите по моимъ рѣчамъ вашимъ грамматическимъ канонамъ, будто губкой. Это и было сдѣлано.

Никагора принялъ вызовъ нехотя и по принужденію. Собралось много народа, одни послушать Ксенофана, другіе, мудрецы, поглядѣть, какъ Никагора сниметъ съ аѳинянъ позоръ: въ былое время говорили, что не слѣдъ носить въ Аѳины совѣ, теперь не по чемъ стали галки и майскіе жуки. Ксенофанъ храбро заявляетъ превосходство своихъ знаній надъ присутствующими мудрецами, пусть спрашиваютъ его, о чемъ угодно — и онъ цитуетъ стихъ Гомера. Никагора даетъ ему вопросъ изъ астрономіи, не трудный, а такой, какой доступенъ школьникамъ, дабы тѣмъ болѣе посрамить Ксенофана. И онъ дѣйствительно не отвѣчаетъ ни слова, смущенъ, колеблется и говоритъ: Зачѣмъ спрашиваешь ты меня о томъ, что недоступно смертнымъ? Кто изъ рожденных на землѣ когда либо восходилъ на небо, чтобы повѣдать людямъ о звѣздныхъ путяхъ? Онъ отрицаетъ эту возможность, пересыпая отвѣтъ отрывками стиховъ. Въ толпѣ поднялся смѣхъ и свистъ,

Ксенофана срамятъ, а Никагора велитъ всѣмъ умолкнуть: не всѣмъ дано все знать, говорить онъ; немудрено, что Ксенофанъ, родившійся среди латинявъ, не знаетъ астрономіи: этой наукой, процвѣтающей у эллиновъ, тамъ не занимаются. Ксенофанъ можетъ проявить свои знанія на чемъ-либо иномъ. — На всемъ, кромѣ астрономіи и связанныхъ съ нею наукъ, соглашается Ксенофанъ и возмущенъ, когда Никагора ласково и спокойно задаетъ ему вопросъ—по грамматикѣ: въ этомъ рабскомъ, служебномъ искусствѣ, какъ и въ риторикѣ, философъ не нуждается. Напрасно Никагора указываетъ ему, что только благодаря посредству языка дошли до насъ творенія Аристотеля и Платона, что безъ риторики не обошлись ни Горгій, ни Демосѣенъ, ни Фукидидъ, ни Платонъ, величайшій изъ «эллинскихъ гласовъ». Занятіе такими пустяками не позволяетъ украшать душу, а въ этомъ была моя высочайшая цѣль, отвѣчаетъ Ксенофанъ.— Снова запумѣла толпа, послѣдователи Ксенофана присѣли, краснѣя, онъ самъ попался, какъ рыба въ сѣти, и бѣшено обратившись на себя, какъ вакханки на Пенѳея, сбросивъ куколь и платье, бросился бѣжать. Когда его удержали, укоряя малодушіемъ, онъ сталъ бранить Никагору, что тотъ коварно поступаетъ съ нимъ, сознательно задавая ему вопросы, на которые онъ не можетъ отвѣтить, обходя знакомые ему. Никагора, улыбаясь, успокоиваетъ его и настолько ободряетъ, что Ксенофанъ предлагаетъ испытать его въ философіи Аристотеля и во всѣхъ познаніяхъ, которыя съ нею связаны и къ ней ведутъ. Онъ утверждаетъ, что Аристотель отрицаетъ, какъ служебныя и обманчивыя, занятія грамматикой и риторикой, и сознается, что никогда не видѣлъ относящихся къ этой области сочиненій Аристотеля и не слышалъ о нихъ; что же касается физики, онъ готовъ обо всемъ разсуждать научно, путемъ діалектическихъ и аподиктическихъ силлогизмовъ. — Но силлогизмы — принадлежность низшаго пониманія, отвѣчаетъ Никагора, это ложныя украшенія, органы, устроенные для другой цѣли; только итальянцы и тѣ, кто, учившись у нихъ, коснулись лишь концами пальцевъ преддверій науки, не поняли, чего ради

слѣдуетъ учиться этому искусству, и на силлогизмахъ остановились, полагая что въ нихъ — все, какъ кормчій судна счелъ-бы себя искуснымъ, потому лишь, что купилъ руль, или музыкантъ, приобрѣтя плектръ. Древніе изобрѣтатели философіи и логики, слѣдуя водительство разума, исходили изъ высшаго умозрѣнія и, почерпая въ немъ привычку невещественной вѣры, уже затѣмъ обращались къ вещественному, познаваемому чувствами, возводя его къ единому началу, какъ бы по лѣствицѣ, которую уготовилъ имъ свыше разумъ въ силу присущаго ему знанія. Тотъ заслуживаетъ похвалы, кто, не будучи въ состояніи изойти изъ этого начала, взберется по этой лѣствицѣ къ юдоли истиннаго знанія, но еще болѣе тотъ, кто овладѣвъ имъ и отправившись отъ единаго по существу, обратится къ подлежащему чувствамъ, раскиданному въ разнообразіи явленій и, вмѣстѣ, вышедшему изъ одного корня, и въ пестрой связи многаго усмотритъ единое. Все это зналъ Аристотель, и какъ поэты въ образахъ многа являютъ непосвященнымъ отраженія истины, такъ и онъ изобрѣлъ для нихъ-же и для той-же цѣли нѣсколько извѣстныхъ и обманчивыхъ методовъ. — И Никагора пользуется возраженіемъ Ксенофана, чтобы подвергнуть критикѣ діалектической и аподиктической силлогизмы.

Въ дальнѣйшемъ спорѣ Ксенофанъ отходитъ въ сторону и выступаетъ вмѣсто него одинъ изъ его товарищей, Ксенократъ, такой-же, какъ онъ, аристотеликъ, но болѣе знающій и готовый убѣдиться, тогда какъ Никагора раскрываетъ, съ постоянными ссылками на то или другое сочиненіе Аристотеля, его противорѣчія и колебанія между его собственными положеніями и мнѣніями древнихъ мыслителей, Пифагора, Демокрита, Анаксимандра, Галена и Иппократа, лучшаго изъ теологовъ Гермеса Трисмегиста и «великаго гласа Эллады», Платона. Противъ него Аристотель тѣмъ болѣе провинился, порицая его, что является благодарнымъ его ученикомъ. Противорѣчія объясняются не изъ промаховъ памяти — ихъ слишкомъ много, — когда съ одной стороны говорится о безсиліи человѣческаго пониманія, съ другой чув-

ственный міръ ставится впереди чувственнаго воспріятія, какъ его условіе, а человѣческое знаніе сводится къ неясному представленію истинъ, добытыхъ изъ внѣшнихъ воспріятій и запечатлѣнныхъ живописцемъ природы на скрижаляхъ души. Если захотѣть глубже проникнуть въ сущность вещей, я обратился бы скорѣе къ дельфійскимъ богословамъ: недоумѣваютъ и они, но близкое общеніе съ божествомъ просвѣщаетъ ихъ свыше. Но что говорить о богословахъ Дельфъ, когда я могу указать на лучшихъ, чѣмъ они, и также полныхъ недоумѣнія передъ тайной сущаго? На этомъ я кончу.

Конченъ и споръ. Никагора увѣнчанъ, какъ побѣдитель, Ксенофанъ подвергается порицанію за то, что захотѣлъ вмѣшаться въ число философовъ, выдавъ за золотой или серебряный — сосудъ изъ неблагороднаго металла. Ксенофанъ сторѣлъ отъ стыда, готовъ провалиться или утопиться, умеръ-бы съ горя, если бы кое-кто не успокоилъ его ласковыми словами. Онъ затѣваетъ отомстить за пораженіе: ходитъ къ ученикамъ Никагоры, подъ видомъ обученія, и усвоивъ себѣ нѣчто по математикѣ и астрономіи, начинаетъ обстрѣливать Никагору тупыми стрѣлами; тотъ отмалчивается. Видя свое невѣжество обнаруженнымъ, онъ отплылъ изъ Константинополя на сѣверъ въ нѣкій ессалійскій градъ (Солунь), извѣстный своей ученостью, тамъ онъ собираетъ деньги, ратуетъ и препирается въ союзѣ съ другими, либо по найму, противъ Никагоры.

Диалогъ Григоры, очевидно, памфлетъ, въ которомъ захожему ученому, осмѣлившемуся принести совъ въ Аѳины, предназначено сложить оружіе передъ бездной византійской учености. Она была значительна: Григора, прозванный у своихъ современниковъ «философомъ», былъ человѣкъ широкаго образованія, учившійся астрономіи у великаго логогета Θεодора Метохита, такого же, какъ и онъ полигистора, и въ свою очередь обучавшій его дѣтей, объясняя имъ древнихъ писателей; Палама знатокъ философіи и естественныхъ наукъ. Въ сравненія съ ними Варлаамъ — почти неучъ; это — выходка

полемиста, риторы, утверждавшего, что по правилам его искусства въ похвальныхъ словахъ можно говорить, что угодно ¹⁾. Важнѣе то, несомнѣнно историческое, освѣщеніе, въ которомъ представляется намъ ученый типъ Варлаама: онъ, главнымъ образомъ, діалектикъ, преданный силлогизму и ничего не знающій выше того Аристотеля, котораго изучали въ западныхъ школахъ. Эту діалектическую ловкость, увлеченіе свѣтской наукой вообще онъ вносилъ въ богословскіе споры. На это-то и нападаютъ его противники: Григора пишетъ цѣлый трактатъ, ограничивающій роль силлогизма въ вопросахъ догмата; Палама оспариваетъ Варлаама словами святыхъ мужей и богослововъ, а не силлогизмами и геометрическими выкладками ²⁾, уличая его въ томъ, что «богодѣйственную премудрость Духа онъ ставитъ наравнѣ съ уроками философіи, потому, будто бы, что Господь сообщилъ намъ и «наставленія посредствомъ боговоздѣйствія, и уроки философическіе» ³⁾. Въ посланіи къ Варлааму «о двухъ началахъ» онъ упрекаетъ его въ пристрастіи къ діалектикѣ и греческимъ философамъ: «Посмотримъ на плоды просвѣщенія Сократовскаго и Платоновскаго. Чѣмъ они хороши? Ужъ не дозволеніемъ-ли общенія женщинъ? Не допущеніемъ ли педерастіи? Не почитаніемъ-ли демоновъ и героевъ? Не ссылкою-ли нашихъ душъ съ неба въ тѣла животныхъ? . . . А Аристотелево маловникающее провидѣніе, что это такое?» Въ другомъ письмѣ Палама выступилъ противъ положенія Варлаама, будто нѣтъ никакихъ доказательствъ ни объ одномъ изъ божественныхъ дѣлъ, приводя доводы и называя доказательства Аристотеля неопредѣленными и неумѣстными ⁴⁾. Еще рѣзче высказывается о Варлаамѣ патриархъ константинопольскій Нилъ въ похвалѣ Паламѣ: для Варлаама нѣтъ ничего выше эллинской мудрости, непререкаемости

1) Nic. Greg. I. c. I. X, c. 8 слѣд.

2) Cantacuz. ed. Bonn. I, 552.

3) Еп. Порфирій, Первое путешествіе въ аеонскіе монастыри, I, 1, стр. 285—6.

4) I. c. стр. 282; Migne, Patrol. graec. 151, col. 384.

силлогизмовъ и добытой такимъ путемъ истины; если кто не продѣлалъ этого пути, нельзя приблизиться и къ познанію Бога, говоритъ онъ; не побывавъ въ школѣ Пивагора, Аристотеля и Платона, не научившись у нихъ законамъ природы, происхожденія и разрушенія сущаго, нельзя познать истины. А если Богъ-истина, то тотъ, кто не научился у эллинскихъ мудрецовъ движенію небесныхъ свѣтилъ и природы, т. е. истинѣ, не въ состояніи познать и Бога. Такимъ неразуміемъ зараженъ не одинъ Варлаамъ, а издавна всѣ латины ¹⁾. Источникъ его знаній Органонъ и нѣкоторыя другія сочиненія, отъ остальныхъ наукъ онъ едва вкусилъ, пишетъ о немъ Христулъ ²⁾, церковными писателями не занимался ³⁾. Его послѣдователи, Акиндинъ, Дмитрій Солунскій, монахъ Прохоръ—такіе-же силлогисты, какъ и онъ. Меня обвиняютъ, говоритъ послѣдній, что я пользуюсь въ своихъ разсужденіяхъ силлогизмами, считая ихъ оракуломъ богословія. Но что-же дѣлать? Наши очи затмились, духовные стражи слѣпотствуютъ, проповѣдники нѣмы, поучаемые расположены недоброжелательно къ учителямъ своимъ и не считаютъ себя обязанными ихъ слушаться. Неужели теперь бросить силлогизмъ, это единственно оставшееся средство къ отысканію истины? ⁴⁾.

Мы признали въ грубоватой характеристикѣ Варлаама у Григоры долю страстныхъ выходокъ; но это выходки типическія. Читая нареканія Анны Комнены на Иоанна Итала, мы невольно припоминаемъ Ксенофана: Италъ столь же силенъ въ философіи Аристотеля и Платона, онъ оффиціальнѣйшій преподаватель философіи, и его также обвиняютъ въ ереси и эллинскихъ мудрованіяхъ; онъ также несвѣдуецъ въ грамматикѣ и не отвѣдалъ нектара реторики; греческій языкъ обличаетъ въ немъ иностранца

1) Migne, I. c. col. 668 слѣд.

2) См. предисловіе къ словамъ противъ ереси Варлаама и Акиндина у Vandinii, Joh. Chrysostomi, II, стр. 128.

3) См. XII-е слово Филовея противъ Григоры, Migne, I. c. col. 1110.

4) Migne, I. c. col. 699 и 701.

въ латинскихъ областей, рѣчь отличается деревенскимъ пошибомъ. Какъ Ксенофанъ, онъ страстенъ, неводерженъ въ аффектѣ, напыщенъ, вся его сила въ страшной діалектикѣ, которою онъ опутаетъ всякаго; въ спорахъ онъ непобѣдимъ. Онъ знакомъ съ византійской школой и слушалъ Пселла, но родомъ онъ итальянскій грекъ, долго жилъ въ Сициліи, затѣмъ въ Ломбардіи; Пселлъ называетъ его ломбардомъ. Чѣмъ онъ обязанъ западному воспитанію, мы не знаемъ — и остается открытымъ вопросъ, что опредѣлило оригинальность его философскихъ воззрѣній, оказавшихъ извѣстное вліяніе и на западную схоластику.

Въ вопросѣ о Варлаамѣ раздѣлъ западныхъ и византійскихъ теченій провести легче. Онъ прошелъ латинскую школу, это опредѣляетъ его роль въ борьбѣ съ византійцами. За противоположностью богословской и эллинской мудрости, за вопросами о границахъ разумѣнія и правахъ силлогизма, чувствуется нѣчто другое: противорѣчія аристотелевской философіи и того неоплатонизма, которымъ освѣщаются въ концѣ діалога «Флорентій» рѣчи Никагоры, которымъ безсознательно питается, въ лучшихъ своихъ представителяхъ, мистицизмъ аеонскихъ гезихастовъ. Варлаамъ отнесся къ нему, какъ узкій рационалистъ и діалектикъ, схватывая показные концы, подходя съ силлогизмомъ къ анализу нерукотворнаго Фаворскаго свѣта и поднимая на смѣхъ монаховъ-простецовъ, выработавшихъ, какъ приѣмъ созерцательнаго самоуглубленія, смотрѣніе въ пупъ. Вопросъ о преимуществѣ платоновской или аристотелевской философіи давно уже поставленъ въ Византіи: учитель Пселла, Іоаннъ Мавроподъ, былъ почитателемъ Платона, Пселлъ ставилъ его выше «философа церкви»; это вызвало броженіе мысли, оживленный споръ аристотеликовъ съ платониками, напоминающій аналогическое движеніе въ позднѣйшемъ Возрожденіи. Въ концѣ XIII и началѣ XIV в. Никифоръ Хумнъ пишетъ противъ платоновской философіи — и противъ нападавшихъ на нее неумѣлыхъ аристотеликовъ; его противникомъ является платоникъ Метохитъ; Григора сознательно платонизируетъ даже въ стилѣ, и его философскимъ оппо-

понентомъ является Агаангелъ; Кантакузинъ комментируетъ Аристотеля, аристотеликъ Варлаамъ втягивается въ общее теченіе, взявшись объяснить проникнутыя неоплатонизмомъ писанія Діонисія Ареопагита; Платонъ и Аристотель стоятъ на очереди въ его перепискѣ съ Георгіемъ Лапиеомъ.

Имя Георгія переноситъ насъ въ одинъ изъ тѣхъ центровъ культурнаго и литературнаго общенія между западомъ и Византіей, каковымъ въ то время могъ являться еще Неаполь: въ Кипрѣ, ко двору короля Гуго IV-го. Та-же помѣсь народностей, греческой и романской, но въ обратномъ отношеніи; царитъ французская династія Лузиньяновъ и развивается потребность учиться не только греческому и французскому, но и сирійскому языку для сношенія съ восточными патріархатами. Король Гуго извѣстенъ какъ мудрый и счастливый администраторъ, освободившій греческое населеніе отъ рабства, въ которомъ держали его первые завоеватели Кипра; и Боккаччо и пріятель Лапиеа, Григора, написавшій риторическій панегирикъ Гуго, прославляютъ подвиги его государственнаго устроенія и любовь къ наукамъ. Онъ занимается богословіемъ и интересуется астрологіей: въ бытность свою въ Римѣ ищетъ знакомства съ Андалоне ди Negro и ведетъ дружбу съ другимъ извѣстнымъ математикомъ XIV вѣка, котораго нерѣдко цитуетъ и Боккаччо, Павломъ Геометромъ; любитъ бесѣдовать съ учеными, являвшимися къ нему въ его замокъ въ горахъ св. Иларіона; въ числѣ ихъ былъ и Георгій Лапиеъ, имѣвшій не вдалекѣ прекрасное помѣстье. По словамъ Григоры, король чтилъ его какъ за его достоинства, такъ и за обширныя познанія. Самъ Гуго былъ не мало посвященъ въ латинскую мудрость, продолжаетъ Григора, и по этой причинѣ постоянно держалъ при себѣ ученыхъ латинянъ, но болѣе дорожилъ музой и обществомъ Георгія, ибо, говорилъ онъ, «правители становятся мудрыми отъ общенія съ мудрецами». Вслѣдствіе этого онъ овладѣлъ и тою и другой наукой; какъ греческой, такъ и латинской¹⁾, въ которыхъ Георгій былъ одинаково

1) См. тоже у Боккаччо, *Gen. Deor.* XV, 7.

силень, и любилъ присутствовать при спорахъ послѣдняго съ учеными латинянами, которыхъ онъ поражалъ силлогизмами, точно стрѣлами, особенно, когда дѣло заходило о блюденіи вѣры отцевъ; случалось, что обрушиваясь на нихъ свидѣтельствами св. Писанія, Георгій заставлялъ ихъ нѣмотствовать, какъ рыбы, и когда это сердило короля, успокоивалъ его прелестью своей рѣчи и доводами истины. Всѣ, хотя бы немного причастные греческой или латинской наукѣ, отдавали ему пальму первенства въ такого рода спорахъ, въ которыхъ ставились, вѣроятно, и вопросы по астрологій. Самъ Лапидъ занимается ею, изучаетъ Птолемея и астрологическія сочиненія древняго и новаго времени, устраниая вопросы, выходящіе за предѣлы, положенные священными законами, допуская лишь тѣ, которые позволяютъ съ надлежащей осторожностью искать причины вещей—и тѣ потому, главнымъ образомъ, чтобы не смутиться хитростью латинянь, много занимающихся этой наукой, и самого короля, къ которому нерѣдко пріѣзжаютъ для ученыхъ споровъ арабы изъ Египта, полагающіе въ астрологій главную суть человѣческаго знанія¹⁾.

Богословскіе вкусы короля объясняются какъ его религіозностью, такъ и церковными спорами, раздѣлявшими на Кипрѣ представителей той и другой церкви, между прочимъ, по вопросу о древѣ креста, принесенномъ на островъ царицей Еленой. Другимъ, на этотъ разъ литературнымъ интересамъ отвѣтилъ трактатъ Боккаччо о Генеалогіяхъ боговъ. Гуго побудилъ его къ этому труду черезъ посредство одного изъ своихъ служилыхъ людей, Доннино изъ Пармы; когда въ 1350 году Боккаччо проживалъ въ Равеннѣ, къ нему явился, съ тѣмъ-же напоминаніемъ, одинъ изъ ближнихъ короля, флорентинецъ Беккино Белличчони; еще позже Гуго писалъ о томъ-же знакомому Боккаччо, Павлу Геометру. Все это заставило Боккаччо приняться снова за полузабытый (*semisopitum*) трудъ²⁾, надъ

1) Nic. Greg., l. c. III, стр. 28 слѣд.

2) Cl. Gen. Deor., посвященіе и XV, 13.

которымъ онъ продолжаетъ работать, черпая въ источникахъ, какъ прежде черпалъ изъ Коллектаней Паоло Перуджинскаго и замѣтокъ Варлаама. Послѣднія онъ приводитъ не разъ въ объясненіе того и другого мѣста. Такъ мѣсто о Девкаліонѣ и Пиррѣ и камняхъ, которые они бросали позади себя и которые превращались въ людей, Варлаамъ, по словамъ Паоло, толковалъ такъ, что супруги убѣдили людей, спасшихся отъ потопа въ каменные пещеры, выйти оттуда, по минованіи опасности, и снова населить землю. Сходное толкованіе давалъ онъ мѣсту о Діанѣ и Аполлонѣ, родившихся на окутанномъ туманомъ островѣ Ортигіи: послѣ потопа, бывшаго при царѣ Огигестѣ, отъ влажной и вмѣстѣ горячей земли пошли такія облака, что на эгейскомъ морѣ и въ Ахайѣ не видать было ни луны ни солнца; когда облака разрѣдились, особенно на островахъ, гдѣ испареній земли, вслѣдствіе сосѣдства моря, было меньше, случилось однажды ночью, за часъ до разсвѣта, что первыми усмотрѣны были лучи мѣсяца, а затѣмъ и солнечные. Это возбудило общую радость, и о свѣтилахъ, которыхъ считали погибшими, стали говорить, что Аполлонъ и Діана родились на островѣ Ортигіи, прозванномъ Делосомъ, ибо тамъ они какъ-бы объявились впервые. — Варлаамъ, очевидно, не шелъ дальше внѣшняго евгемеризма и натурализма, въ стезяхъ усвоеннаго имъ философскаго міровоззрѣнія, а Боккаччьо вносилъ его показанія въ угловатыя, но грандіозныя по замыслу Генеалогіи боговъ, пытаясь объединить поэзію и религію.

Когда въ 1339 году Варлаамъ явился въ Неаполь, Боккаччьо былъ еще тамъ; онъ могъ видѣть заѣзжаго грека и заинтересоваться имъ, но показанія Боккаччьо могутъ дать поводъ заключить, что личнаго знакомства между ними не было и посредникомъ между ними являлся Паоло. Боккаччьо говоритъ, напр., что Варлаамъ былъ малъ ростомъ, точно видѣлъ его; нѣкоторыя писанія Варлаама были у него въ рукахъ, но онъ могъ получить ихъ и отъ Паоло; на него онъ ссылается, приводя показанія Варлаама. Такъ Паоло рассказывалъ, въ присутствіи Боккаччьо, будто

слышалъ отъ Варлаама, что во время оно не было во всей Греціи, на островахъ и побережьи, ни одного именитаго человѣка, который не производилъ бы свой родъ отъ какого-нибудь языческаго бога.

Роль Варлаама въ судьбѣ ранняго итальянскаго гуманизма представляется внѣшней и случайной. Воспитанный въ преданіяхъ западной университетской школы, гдѣ царилъ схоластика и арабскій Аристотель, онъ и въ Греціи не освободился отъ ея метода: въ Византіи его укоряють пристрастіемъ къ діалектикѣ и Аристотелю противопоставляютъ Платона и христіанскій неоплатонизмъ. На западѣ, въ кружкахъ начинателей Возрожденія, онъ засталъ сходное движеніе: Петрарка жаждетъ прочесть Платона въ подлинникѣ и жалуется, что скорый отъѣздъ Варлаама помѣшалъ ему въ этомъ дѣлѣ. И онъ также ратуетъ противъ схоластики и діалектической болтовни, забывающей изъ-за слова сущность вещей, противъ непогрѣшимаго Аристотеля, и увлекается Платономъ, котораго знаетъ изъ римскихъ писателей и немногихъ доступныхъ ему переводовъ ¹⁾, но понимаетъ болѣе чутъ-емъ: именно имя и ученіе Платона отвѣтило его внутреннему спросу, спросу Возрожденія. Платонъ для него «потокъ божественнаго краснорѣчія», первый изъ числа философовъ, всего ближе подошедшихъ къ поставленной небомъ цѣли, къ ученію христіанства; Боккаччо называетъ его въ своихъ Генеалогіяхъ богословомъ ²⁾, человѣкомъ божественнаго разума ³⁾, ссылаясь на «католическихъ философовъ» ⁴⁾. Это почти тѣже воззрѣнія, что и у Григоры. — Варлаамъ проходитъ мимо того и другого движенія безучастно; средневѣковой схоластикѣ, противникъ платоновской философіи ⁵⁾, онъ могъ подѣлиться съ своими западными друзьями лишь знаніемъ греческаго языка и обрывками

1) De ignorantia стр. 1053—4.

2) Gen. Deor. l. XIV, c. 13.

3) Comm. ed. Milanese, lex. I, vol. I, 79.

4) l. c. lex. XVI, vol. I, 379.

5) Сл. Legrand, Cent dix lettres grecques de Fr. Filelpe, стр. 152 слѣд.

эрудиции, а его возвеличили въ силу надеждъ и чаяній, въ которыхъ выразилась самостоятельная эволюція гуманизма и на которыя онъ не былъ въ состояніи отвѣтить.

II.

Въ 30-хъ годахъ XIV-го столѣтія вокругъ молодого Боккаччо слагалась, окутывая его, неясная пока атмосфера гуманизма, сотканная изъ просвѣтовъ и чаяній какой-то новой культуры и захватовъ въ прошлое. Движеніе опредѣляется въ поколѣніи, слѣдующемъ за учителями Боккаччо, среди людей, близко стоявшихъ ко двору, нотариусовъ, судей, профессоровъ и представителей неаполитанской знати. Съ иными изъ нихъ Боккаччо могъ познакомиться въ свое первое неаполитанское пребываніе, съ кѣмъ — рѣшить трудно; съ другими онъ сблизился въ послѣдующія поѣздки; съ Барбатомъ до 1353 года; Баррили онъ упоминаетъ въ Генеалогіяхъ боговъ ¹⁾.

Барбата изъ Сульмоны, неаполитанца Джьованни Баррили и Николая д'Алифе мы встрѣчамъ уже съ 1327 года въ должностныхъ и литературныхъ отношеніяхъ къ двору; видимъ ихъ и въ кружкѣ Аччяйюли—и въ дружеской перепискѣ съ Петраркой. Съ Барбатомъ сблизилъ его король Робертъ въ 1341 году, когда поэтъ явился къ нему для извѣстнаго намъ ученаго испы-

---

1) XIV, 19: покинувъ Римъ, Виргилій избралъ себѣ вблизи Неаполя *semitum locum quieto atque solitario littori proximum, ut magni spiritus homo Iohannes Barillus ajebat, inter promontorium Posilibi et Puteolos vetustissimam Graecorum coloniam, ad quem nemo fere, nisi eum quaereret, accedebat.*—О Барбатѣ и Баррили см. *Fagaglia, I due amici del Petrarca Giovanni Barrili e Marco Barbato Sulmonese* (Archivio d. Società storica per le provincie napoletane IX); его-же: *Barbato da Sulmona e gli uomini di lettere della corte di Roberto d'Angiò, l. c.* Свѣдѣнія о Барбатѣ, Баррили и Пьетро ди Монтефорте у *Hortis, Studi* (см. *Indice*), у него-же, стр. 347—8 неизданное письмо Барбата къ Пьетро ди Монтефорте. О Баррили († 1367) говоритъ *Matteo Camera, Elucubrazioni storico-diplomatiche su Giovanna I^a regina di Napoli e Carlo III di Durazzo* (Salerno, 1889), пользовавшійся его неизданными пока лѣтописными воспоминаніями о современныхъ ему событіяхъ (см. стр. 1—2, 263—4).